

ЭРИНА ДАРК

ТРИЛОГИЯ
ТОМ ПЕРВЫЙ

ДЭЛИОН

СЛОМАННЫЕ ВЕТВИ

18+

Эрина Дарк

Аэлион. Сломанные ветви

«Автор»

2026

Дарк Э.

Аэлион. Сломанные ветви / Э. Дарк — «Автор», 2026

Аэлион — мир над облаками, выросший у корней Великого Древа Лилит. Велория, Первый куратор и творящая, привыкла разбирать чужие прошения, работать над рукописями и держать собственную жизнь под контролем. Но близость с Арделлом, её личным распорядителем, меняет порядок, который веками казался незыблемым. Обычное прошение о переводе ребёнка открывает цепочку странностей: исчезнувшая служанка, восемь подозрительных отказов и неизвестный артефакт. Рядовая проверка превращается в расследование. Пока Лилирен живёт привычной жизнью, оно уводит Велорию всё глубже в чужие тайны. Она ещё не знает, что скрывается за закрытыми дверями. Чем ближе Велория подходит к правде, тем страшнее цена, которую потребует расследование.

© Дарк Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрина Дарк

Аэлион. Сломанные ветви

Пролог

Говорят, первой была дорога. Шла по ней женщина, однажды оставившая за спиной жизнь, в которой право решать за себя сочли ошибкой. Ей сказали, какой должна быть её жизнь и кому принадлежит последнее слово. Она выслушала. И ушла.

Сколько лет длилась та дорога — предание не сохранило. В одних землях женщина задерживалась на день, в других оставалась на годы. Она знала травы, принимала роды, отводила горячку, сидела у постелей, пока смерть не отступала или не забирала своё. Люди благодарили её, боялись, гнали прочь и звали обратно. А она всё шла, пока дорога не привела её к морю.

За морем лежал остров по имени Атлантида. Его столица поднималась над водой белыми террасами; каналы проходили между улицами и садами, мосты соединяли берега, каменные лестницы спускались к воде с разных ярусов города. Там Лилит остановилась. Поселилась в стороне от дворцов, у круглого источника, и отвела от него семь узких каналов. Над каждым разбила по гряде: на первой поднялся ирис цвета глубокой воды, на второй раскрылся алый ликорис, а дальше прижились лантана, кадупул, пион, стронгилодон и выюнок. Тогда их знали лишь как цветы. Лилит поила их, срезала сухое, мяла землю ладонями, и дети играли у воды, и женщины рожали в тени её сада, и больные лежали там, где от источника тянуло прохладой. Город звал её, шёл к ней, брал её помощь, не спрашивая, чего это стоит. Атлантида любила Лилит ровно до тех пор, пока была в ней нужда.

А потом начали умирать младенцы. Сначала один, после ещё, и всё больше домов по ночам не гасили свет. Лилит ходила туда, куда звали. Осматривала детей, меняла настои, сидела у колыбелей, спорила с лекарями, и иногда смерть отступала, а иногда нет. Причины не знала ни она, ни город, но безымянная беда человеку страшнее врага с именем, и потому имя понадобилось. Имя нашли.

Кто первым назвал Лилит виновной — предание не помнит, да это уже и не важно, потому что слух шёл по рынкам и дворам, поднимался от слуг к хозяевам, от хозяев к тем, кто держал город в руках. Женщина, столько лет державшая чужих детей, будто слишком много знала о детской смерти. Лекарства её стали отравой, одиночество — колдовством, а знание, за которым ещё вчера бежали ночью, — уликой. Обычной женщине знать не полагалось.

Правители вынесли приговор. Одни уже делили её землю и источник. Других раздражали её красота, знания и свобода, не просившая ничьего дозволения. Мужчина, которому Лилит когда-то отказала, наконец получил слово, способное назвать старую обиду правосудием. Толпа кричала всё громче, потому что вчерашнего слуха к утру не хватало, а те, кто видел, что свидетельства лгут, молчали: против разъярённого города правда не обещала защиты. Над всем этим стояла власть, уже назвавшая свой приговор истиной.

Позже скажут, что в тот день у источника впервые собрались Семеро. У них не было тел, не было имён. Гордыня звучала голосами тех, кому право судить заменило доказательства; Зависть глядела на чужую свободу и видела в ней собственную нехватку; Алчность делила сад, не дождавшись смерти хозяйки; Похоть превратила отказ в право на месть; Гнев наконец нашёл лицо, на которое можно было обрушить страх и бессилие; Чревоугодию мало было слуха — оно хотело зрелища; Ленъ осталась дома, и потому всё свершилось.

Лилит убили у источника. Железное копьё вошло в тело, и она упала у самой воды. Кровь стекла меж камней, вошла в источник, разлилась по семи каналам, и каждая из семи гряд приняла её. Вода ушла в землю, и корни впитали вместе с нею то, что люди принесли в сад.

Потом пришёл выдох. Коснулся воды, прошёл за кровью, ушёл под землю. Говорят, источник дрогнул, и семь растений ответили. Ирис не склонился. В сердцевине ликориса зажёгся алый свет. Лантана приняла цвета, которых прежде не знала. Кадупул удержал цветок, чей срок уже подходил к концу. Пион развернул ещё один ряд лепестков. В полной кисти стронгилодона налился новый бутон, и в его глубине проступило медовое тепло. Вьюнок нашёл опору и замедлил рост, будто следующий шаг мог подождать.

Тот последний выдох Лилит нарекут Первым Дыханием. А семь растений — Истоками.

Под землёй вершилось то, чего не видел никто. Корни тянулись к источнику, встречали другие корни, переплетались, срастались, и семь гряд, семь отдельных жизней сходились в одну. Со временем над источником поднялся молодой ствол. Год за годом он рос; корни поднимали каменные края каналов, крона вставала всё выше над садом, пока дерево казнённой женщины не стало видно с верхних террас Атлантиды.

А под землёй корни уже слышали человеческий мир. Когда один человек ставил себя выше другого, отзывалась одна жила. Когда боль обращалась в ярость — другая. Чужая полнота, рядом с которой собственная казалась беднее; ценность, которую страшно выпустить из рук; желание чужого отклика; удовольствие, которому всё мало; первый шаг, отложенный до потом, — всё находило дорогу вниз, к тому первому сплетению под источником. Дерево не спрашивало, кто прав, не выбирало достойных. Человеческий выбор питал его уже тем, что был сделан.

Шли годы. Однажды под водным зеркалом одновременно раскрылись семь врат. Из одной вышел тот, кто знал собственную высоту прежде, чем увидел другого. Из другой — тот, в ком напряжение уже требовало выхода. Ещё пять врат отдали миру сравнение, обладание, желание, ненасытность и Лень, способную оставить первый шаг неначатым. Семеро вышли взрослыми и завершёнными, каждый — чистой силой одного начала, которое Дерево так долго собирало в человеческом мире.

Некоторое время Семеро жили среди людей. Тогда и открылось: рядом с каждым одна человеческая черта звучала громче остальных. Раздражение труднее было удержать внутри. Сравнение сильнее задевало. Желание сохранить ценное крепче сжимало руки. Гордыня острее чувствовала собственную высоту. Наружу выходило то, что уже жило в человеке, и человеческий мир не выдержал долгого соседства с Семерыми. Они вернулись к Древу.

А оно росло. Через два или три десятилетия после смерти Лилит корни пронизали Атлантиду. Дерево впитывало человеческие желания и вместе с ними запоминало город: линии каналов, мостов, башен, площадей, многоярусных садов. Камень всё чаще уступал живой древесине, старый сад разрастался, а над кроной истончалась сама привычная ткань мира.

Правители Атлантиды видели в Древе силу. Долгую жизнь. Тайное знание. Право получить то, чего прежде не удавалось удержать человеческими руками. Они вскрыли землю у источника и попытались добраться до Сердца Корней.

Говорят, именно тогда одному миру перестало хватать места для Древа.

Оно развернуло вокруг себя новое пространство и увело туда сад Лилит, круглый источник, семь Истоков и Семерых. Вместе с ними ушла живая память Атлантиды — всё, что корни успели принять за годы роста.

Сам остров остался в человеческом мире. Под городом зияли пустоты, оставленные ушедшей корневой системой. Земля ломалась под дворцами и улицами, море входило в разломы, пока за одну ночь не сомкнулось над Атлантидой.

Но Дерево сохранило её память. Каналы, мосты, башни, площади и сады, когда-то окружавшие Лилит, обрели другую жизнь под новым небом.

У нового мира были своя земля, свой горизонт и семь великих направлений, расходившихся от единого ствола. Семеро больше не жили среди людей. Человеческий мир остался по

другую сторону, но всё, что рождалось там из желания, порока, противоречия и выбора, по-прежнему находило дорогу к корням.

Так, говорят, родился Аэлион.

—

Около восьми тысяч лет спустя

Лилиррен, Аэлион

2000 год по человеческому летоисчислению.

Лайра поставила точку, перечитала последнее предложение и только после этого позволила себе отложить перо.

Чернила легли ровно. Ни кляксы, ни сорванной буквы, ни дрогнувшей строки, по которой кто-нибудь потом решит, будто она писала в испуге. Четыре раза переписывала начало, дважды меняла формулировку в середине и дольше всего провозилась с последним абзацем. Прощение об отделении оказалось труднее годовой сверки материалов: там ошибку можно было найти по цифрам, а здесь каждое слово касалось её самой.

Лайра разгладила лист ладонью. Имя. Чертог мастера Кайрена. Должность. Требование передать прошение в Службу Древа и оформить отделение.

Хватит.

Эту мысль она повторяла с вечера и каждый раз находила ещё одну запятую, ещё одну резкую фразу и новый повод не вставать из-за стола. В углу на спинке стула висела дорожная накидка. Под ней стояла небольшая сумка с тем, что Лайра решила забрать. Немного. Несколько веков можно было служить одному дому и всё равно обнаружить, что вещи, без которых не хочется уходить, помещаются всего лишь в одну сумку.

Она потянулась к прошению, собираясь сложить его, когда за стеной прошли шаги.

Перо осталось лежать поперёк чернильницы.

Ночной Чертог конечно умел звучать. Вода во внутренних дворах не останавливалась после заката, дерево отзывалось на перемену температуры, где-то далеко младшие служебные существа заканчивали хозяйственные работы. Лайра давно перестала замечать большую часть этих звуков.

Да вот только, шаги были слишком человеческие, существа чертогов так не ходят.

Звук доносился со стороны галереи.

Лайра медленно встала, чувствуя как холод поднимается под кожей.

В этот час там никто не должен был ходить. Парадные помещения закрывали раньше жилого крыла, рабочие — по последнему мастеру, а дальняя галерея числилась опечатанной до утра. Именно числилась: Лайра сама видела отметку в ночной ведомости.

Шаги приблизились и стихли.

Она выглянула из-за приоткрытой двери. Свет здесь держали приглушённым, чтобы ночью не тратить рабочий режим на пустые коридоры. Тёплые настенные полосы хватали край бронзовой отделки, тёмное дерево и гладкую штукатурку; дальше пространство распадалось на глубокие проёмы, где картины уже не различались.

Лайра тихо прошла до поворота и остановилась.

Дверь дальней галереи была открыта.

Она сначала посмотрела на неё. Потом — на тех, кто из неё вышел.

Мужчину Лайра узнала раньше, чем ребёнка рядом с ним.

Лицо уже однажды осталось в памяти, когда тот приходил пару месяцев назад за одним из воспитанников мастера. Рядом с ним шёл мальчик, на полшага впереди.

Лайра уже хотела выйти и сказать, что слишком поздний час для урока, да и дальше крыло не для занятий.

Но что-то заставило остановиться, заметив на запястье ребёнка узкий металлический браслет и то как мужчина положил ладонь ему между лопаток и направил к служебному проходу.

Лайра отступила за поворот прежде, чем они могли увидеть её.

Два месяца.

Столько прошло с прошлого раза.

Тогда этот мужчина пришёл днём. В Чертоге были заказчики, в мастерских спорили о пигментах, через парадную галерею несли подготовленную к отправке работу. Один из воспитанников уехал с ним к новому мастеру — так ей сказали.

Она даже имя мальчика помнила, Лок.

Озорной рыжеволосый малец дважды перепутал ящики с минеральными пластинами и однажды так виновато помогал ей раскладывать всё обратно, будто разрушил половину галереи. Через неделю Лайра спросила у распорядителя, как он устроился.

— Перевод завершён, — ответили ей тогда, не отрываясь от списка поставок. — Его новый мастер принял обязательства.

Через месяц Лайра спросила ещё раз. Ей предложили заниматься хозяйственным учётом и не вмешиваться в дела наставников.

После третьего вопроса ей напомнили, что переведённый воспитанник больше не относится к дому мастера Кайрена.

Лайра тогда разозлилась. Она ведь спрашивала, как ребёнок поживает и нравится ли ему новое место, а отвечали словно для этого требовался отдельный допуск.

Потом были другие дела. Треснувшее дерево в двух рамах, задержанная поставка редких пигментов, подготовка галереи к заказчикам. Сейчас тот же мужчина вёл другого ребёнка через галерею, которая ночью должна была быть закрыта. Как-то много странностей накопилось за годы.

Шаги удалялись.

Лайра дождалась, пока последний звук уйдёт в глубину служебного коридора, и вернулась к повороту. У самого порога на тёмном полу лежало что-то светлое.

Крошка металла, Лайра присела и подняла находку.

Осколок оказался меньше ногтя, тонкий, слегка изогнутый. Поверхность была матовой, край — неровным. Повертела кусочек между пальцами и вспомнила узкую полосу на запястье мальчика.

Она убрала осколок в карман.

На обратном пути Лайра уже не смотрела на картины. Ей мешала другая деталь — ведомость на столе.

Третий день она пыталась понять, почему та не сходится.

Лист попал к ней вместе с хозяйственными бумагами галереи и выглядел достаточно привычно: номера, размеры, материалы, отметки о выдаче. Только итог не совпадал с реальным расходом. Лайра дважды возвращала ведомость на уточнение и оба раза получала её обратно без исправления.

Сегодня собиралась вернуть её в третий раз и уже приложила собственный расчёт.

Лайра села и разложила ведомость рядом с журналом материалов.

Цифры не изменились.

Она провела пальцем по строкам. Двенадцать. Четырнадцать. Семнадцать.

На семнадцатой отметке стояла оправа.

Лайра вынула из кармана металлический осколок и положила рядом.

В голове разыгралась мысль, что все это глупость.

Она работала с десятками оправ. Картины, миниатюры, минеральные вставки, световые пластины, реставрационные крепления. Одно слово ничего не доказывало, а цифра тем более.

И всё же она снова прочитала строку.

Размер. Проверка. Повтор.

Ни названия произведения, ни мастерской, ни получателя в документе не было, что уже странно.

Лайра подтянула чистый лист и начала переписывать.

Строка за строкой, вместе с датами, обозначениями и чужими пометками на полях. Рука двигалась быстро; это было знакомое занятие, и именно поэтому страх всё ещё не успевал подобрать себе форму. Пока она копировала цифры, существовала задача. Пока существовала задача, можно было не думать, зачем ей понадобилась копия.

На обороте ведомости обнаружился второй лист.

Он был сложен вдвое и до этого держался между страницами за счёт узкого загиба. Лайра нахмурилась. В её бумагах ему делать было нечего.

Заголовок не было.

Несколько коротких строк знаков, номера, даты и группы обозначений, которые она не знала. Часть повторялась. Лайра перечитала сверху вниз.

Одна совпадала с днём, когда из Чертога уехал Лок два месяца назад.

В коридоре что-то тихо щёлкнуло.

Лайра тут же накрыла оба листа рукой.

Ничего. Она подождала, вслушиваясь, затем отпустила бумаги. Переписывать второй лист целиком времени не было.

Она взяла новый клочок и перенесла первые строки. Потом ещё две. Запнулась на незнакомом знаке, срисовала его так, как увидела, и перешла дальше. Если это чьи-то расчёты, утром над собственной мнительностью можно будет посмеяться.

Если нет — она хотела сохранить хоть что-нибудь.

Шорох пришёл уже с другой стороны коридора.

Лайра сложила копию ведомости вчетверо, внутрь положила неполный список и вернула металлический осколок в край бумаги.

Куда?

Комната отпадала первой. Сумка — ещё хуже. Служебный шкаф проверял любой, кому понадобится журнал. Рабочие ящики галереи перебирали каждую неделю.

Ей вспомнилась разохшаяся рама.

«Неочевидная связь» стояла в соседней галерее уже много лет. Большое вертикальное полотно Кайрена: два архитектурных фрагмента, разделённые пустым пространством. При боковом свете тени соединяли их в одну линию.

Неделю назад она обнаружила, что нижнее крепление подрамника отошло от холста. Щель была ещё мала, однако достаточно заметна для реставратора. Она взяла со стола маленький рабочий футляр и спешно вышла.

Лайра добралась до «Неочевидной связи» и провела пальцами по нижней части рамы.

Зазор нашёлся сразу.

Она достала узкую рабочую лопатку, осторожно ввела край между деревом и внутренним креплением и надавила. Подрамник поддался на несколько долей. Лайра остановилась, проверила лицевую сторону, затем расширила щель ещё немного.

Слишком заметно.

Она вернула крепление обратно и открыла футляр.

В нём оставался короткий обрезок тонкой металлической нити. Лайра согнула его ногтем, примерила к внутреннему соединению, переделала. Со второго раза получился слабый крючок. Он держал разохшуюся часть рамы в привычном положении, а при нажиме снизу отпускал её на ширину двух пальцев.

Мастер бы такое крепление не одобрил.

Эта мысль неожиданно помогла.

Лайра спрятала свёрток за подрамник, отвела дерево обратно и нажала до тихого касания металла. Рама легла на место.

Она отошла, осматривая, подошла ближе, проверила угол.

Кивнула и развернулась возвращаясь к прошению.

Отправив прошение тихо выдохнула. Лайра постояла перед узлом отправки, ощущая странную пустоту в ладони.

Из глубины дома донёсся звук двери.

Она повернулась. Нужно было уходить.

Накидка и сумка оставались в учётной комнате. До внешнего выхода — несколько коридоров. Ничего сложного. Она заберёт вещи, выйдет из Чертога и дожждётся ответа Службы в другом месте.

За дверью раздались шаги. Лайра застыла, ощущая как холодеют пальцы.

Звук шагов замер по ту сторону двери.

Глава 1

Утренний свет добрался до спальни тонкой полосой между плотными шторами и лёг на тёмный пол. Велория открыла глаза, некоторое время смотрела на эту полосу, потом села и потянулась так, что заняло между лопатками. Чёрный пеньюар за ночь сполз с плеча, волосы спутались на спине, а красная прядь каким-то образом оказалась у неё во рту. Она вытащила её, недовольно фыркнула и решила, что вставать всё равно рано.

В спальне Усадьбы Первой Строки это решение хотя бы не оспаривали бумаги. Здесь стояли кровать, прикроватные столики, кресла у локального источника тепла; рабочие папки если и проникали внутрь, то лишь по вине самой хозяйки. Риса обычно выносила их обратно с выражением человека, вынужденного исправлять чужое нравственное падение.

У края ковра поднял голову Литтер. Золотые линии на гибком чёрном теле поймали солнечный просвет. Он проследил, как Велория садится, перебрался поближе и подставил голову под руку, заранее уверенный в правильности собственного решения.

В дверь раздался один точный стук.

— Госпожа Велория, вы уже проснулись? — спросила Риса из коридора.

— Увы, да. Входи. — Велория натянула халат и опустилась рядом с Литтером, почёсывая его за ухом.

Риса вошла, серебристые волосы были уложены в сложную причёску, чёрное платье с серебряной вышивкой лежало без единой сбившейся складки, светлые перламутровые глаза сразу нашли и хозяйку, и халат, и смятое покрывало. Тонкие каменные прожилки у шеи делали её лицо ещё строже.

— Ванная или завтрак? — Риса отвела штору, впуская в комнату больше света. — Вариант «спуститься к столу в халате» я заранее исключила, чтобы сберечь нам обоим время.

— Иногда мне кажется, что настоящая власть в этом доме принадлежит тебе. — Велория поднялась, а Литтер немедленно потянулся следом.

— В вопросах белья, гостевых комнат и прилично одетой хозяйки — безусловно. — Риса перевела взгляд на служебное существо. — Ты останешься здесь. Госпожа Велория умеет принимать ванну без хозяйственного сопровождения.

Литтер остановился. Хвост-кисть медленно опустился на ковёр.

— Видишь? — Велория ткнула в него пальцем. — Он считает твой приказ несправедливым.

— Он считает дверь открытой. Это разные вещи. — Риса повернулась к выходу. — Марен приготовил яйца со сливками и зеленью, свежий хлеб, запечённые фрукты и ещё одно блюдо, название которого скрывает по соображениям профессионального тщеславия. Кофе готов. Где накрывать?

— На террасе. Кофе уже победил ванную, но я проявлю характер и сначала вымоюсь.

— Вот теперь утро складывается удачно.

Тёплая вода быстро согнала остатки сна. Велория задержалась под душем дольше необходимого, потом перебралась в глубокую ванну и позволила воде сделать то, что обычно безуспешно пытались делать окружающие: заставить её несколько минут никуда не торопиться. Сквозь закрытые двери доносился приглушённый ритм проснувшегося дома. Где-то работали Мраморники, в коридоре бесшумно прошёл Литтер, вода в соседней системе сменила режим.

К завтраку Велория выбрала шелковое изумрудное платье без жакета. Риса встретила её у гардеробной, поправила сбившийся край шали и на этот раз промолчала. Такое одобрение стоило нескольких комплиментов.

— Даже ни одного замечания? — Велория остановилась у двери.

— Я умею ценить редкие события. — Риса пропустила её в коридор. — И намерена воспользоваться освободившимся временем, чтобы выяснить, почему два Литтера с утра переносят одну и ту же подушку между малым салоном и гостиной. Кто-то из них запомнил старую привязку, а кто-то получил новую.

— Ставлю на подушку.

Риса посмотрела на неё.

— Идите завтракать, госпожа.

На личной террасе воздух ещё сохранял утреннюю прохладу. Сапфировые ирисы стояли вдоль чаши с тихим переливом воды, а дальше открывался Предел Гордыни: крыши, каналы, свет на камне и высокая зелень. На перилах сидел сапфировый венцекрыл, спокойно обозревая собственный участок мира.

За столом уже ждал Арделл.

Чёрно-винный сюртук сидел на нём с привычной точностью, перчатки скрывали руки, а золотистые прожилки у виска в утреннем свете были заметнее. Рядом с кофейником лежал узкий лист бумаги, исписанный его ровным почерком.

— Доброе утро, госпожа. — Арделл отодвинул для неё стул и вернулся на своё место. — Срочных запросов нет. Я счёл это достаточно редким явлением и не стал искать беду самостоятельно.

— Благородно с твоей стороны. — Велория налила кофе, попробовала и тут же потянулась за сливками. — А лист возле тебя тогда что?

— Последствие вашего собственного решения. Вчера вы разрешили мне подумать, с кем из мужчин вам стоило бы пересечься вне официальных дел.

Вот ведь. Она сама попросила, а теперь бумага выглядела так, словно Арделл подготовил для неё смету на ремонт личной жизни.

Велория положила в тарелку запечённый фрукт и некоторое время ела, глядя за перила. Дом вокруг неё никогда не пустовал. Риса знала, какой свет она любит по утрам, Марен помнил, что в кофе придётся добавить сливки, Арделл умел вытащить из её дня три свободных часа там, где она сама не находила и десяти минут. И всё же вечером спальня закрывалась за ней одной.

— Знаешь, что раздражает больше всего? — Велория положила вилку. — Я ведь не одинока в буквальном смысле. У меня дом, друзья, работа, половина Аэлиона периодически требует моего внимания. А потом наступает вечер, и рядом всё равно никого нет. Я устала от этого.

Арделл перестал резать хлеб и посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда лист всё-таки пригодится. — Он подвинул бумагу через стол. — Трое для начала. Больше я не стал выбирать, иначе вы превратите знакомства в исследовательский проект.

На листе стояли три имени: Аластер. Севериан. Летариан.

— Ты решил начать спокойно, вижу.

— Я решил не тратить ваше время на мужчин, которых вы забудете раньше десерта. — Арделл положил рядом с её тарелкой кусок хлеба. — Аластер умеет видеть цену вложенного труда. Вас это заинтересует. Его стремление удерживать всё признанное ценным может заинтересовать уже меньше.

Велория провела ногтем под первым именем.

— То есть либо мы будем часами обсуждать великие произведения, либо я начну защищать от него собственную библиотеку.

— Оба исхода дадут полезный ответ. Севериан работает с желанием и вниманием. Рядом с ним трудно не заметить, чего именно вам хочется и насколько вам важно быть выбранной самой, без титула и созданных вами миров.

— Опасный вариант.

— Поэтому я и не предлагаю вам идти к нему с готовым обещанием. — Арделл посту-
чал пальцем по третьему имени. — Летариан живёт в темпе, от которого вы либо впервые за
много лет отдохнёте, либо начнёте ходить вокруг него кругами, требуя сделать хоть что-нибудь
быстрее.

Велория представила это слишком ясно и рассмеялась.

— Ты подобрал троих мужчин, каждый из которых будет раздражать меня своей приро-
дой.

— Меня просили найти интересных.

Она ещё раз посмотрела на лист. Аластер видел ценность. Севериан умел замечать жела-
ние. Летариан не позволял миру тащить себя быстрее собственного темпа. Хорошие варианты.
Арделл действительно потрудился.

Вот только на каждом имени мысль сворачивала в одну и ту же сторону.

А этот что бы сказал?

Как бы посмотрел?

Сколько бы выдержал, прежде чем остановить её посреди очередного творческого раз-
гона чашкой кофе или одним сухим замечанием?

Велория подняла голову.

Арделл спокойно завтракал, будто не устроил ей собственным списком крайне неудобное
открытие.

— По-моему, ты испортил мне подбор.

— Уже? — Он взглянул на лист. — Вы ещё никого из троих не встретили.

— В этом и дело. Я слушаю тебя и сравниваю каждого с тобой.

Рука Арделла задержалась над чашкой.

Велория знала этот сбой. За три века его можно было научиться замечать даже тогда,
когда другой человек счёл бы движение совершенно обычным.

— Будь ты грехом, — сказала она, уже не отступая от собственной мысли, — я бы
выбрала тебя.

Арделл поставил чашку на блюде.

— Какая досадная победа метафизики над моими личными достоинствами.

Шутка прозвучала привычно сухо, но он больше не притронулся к кофе.

Велория провела пальцем по краю листа. Можно было посмеяться вместе с ним и вер-
нуть разговор к трём именам. Можно было пойти на приём, проверить Аластера, Севериана,
Летариана, ещё десяток мужчин и несколько лет спустя признаться себе в том же самом.

Скучный сюжет.

— А если не ждать, пока ты внезапно станешь грехом? — Она посмотрела прямо на него.
— Я хочу тебя. Можем начать с того, что действительно существует между нами, и не обещать
друг другу, чем это станет через год.

Арделл снял салфетку с колен и аккуратно положил возле тарелки.

— Мне нужен один точный ответ, Велория. — «Госпожа» исчезла, и от этого его голос
прозвучал ближе. — Вы предлагаете это мне, потому что хотите меня? Я не соглашусь стать
удобной пробой перед людьми из собственного списка.

Вот за это она его и выбрала бы.

Он не просил награды за три века рядом. Не ухватился за её предложение, потому что
хозяйка соизволила обратить внимание. Потребовал остаться мужчиной, у которого есть право
согласиться на её реальное желание, а не на роль.

— Тебя, — сказала Велория. — Я хочу тебя. Если ты откажешься, твоя работа, место в
доме и наши отношения останутся твоими. Я не превращу это в распоряжение.

Арделл некоторое время смотрел на неё, затем потянулся к правой перчатке и медленно
снял её.

— Тогда я не отказываюсь.

Голая ладонь легла на стол рядом с её рукой. Велория видела эти пальцы сотни раз за рабочим столом, когда он снимал перчатки ради закрытых материалов или тонкой работы. Теперь он провёл большим пальцем по её костяшкам, и знакомое движение оказалось совсем не рабочим.

— А список? — спросила она.

— Останется. Вы хотели знакомиться с людьми и ничего мне не обещали.

— И тебя это устраивает?

— Я способен согласиться с условиями и всё равно иметь характер. — Арделл сложил лист пополам свободной рукой. — Если кто-нибудь из троих мне не понравится, вы об этом узнаете.

Велория улыбнулась.

— Вот это уже звучит интересно.

— Именно такого выражения лица я и опасался.

Он поднялся из-за стола. Велория ожидала ещё одной реплики, нового уточнения, возможно, очередного сухого договора о пределах их странной затеи. Арделл вместо этого обошёл стол и остановился возле её кресла.

Снял вторую перчатку.

— Вы сказали достаточно.

Его ладонь легла ей на шею под волосы. Велория успела почувствовать тепло голых пальцев, прежде чем он наклонился и поцеловал её.

Три века привычки не исчезли. Она по-прежнему знала запах его одежды, линию плеч, манеру чуть склонять голову, когда он слушал. Только раньше эти детали занимали безопасные места: распорядок, работа, дом. Поцелуй смешал их, как краски, которые долго хранили в отдельных банках и наконец столкнули на палитре.

Велория ухватила за лацканы сюртука и потянула Арделла ближе. Он ответил сразу, ладонь переместилась на её талию, вторая удержала затылок. Кофе остался где-то рядом вместе с листом из трёх имён.

Когда Арделл отстранился, Велория ещё держала его за сюртук.

— Я предупреждала, что люблю активных мужчин?

— Нет, вы сообщили это после того, как сами предложили мне интрижку за завтраком. — Он провёл большим пальцем под её нижней губой. — Но я учту уточнение.

— Тогда считай, что предупредила. — Велория прищурилась, разглядывая его с новым любопытством. Что-то здесь складывалось слишком удачно. — Хотя ты как-то подозрительно быстро согласился.

Арделл не отвёл взгляда.

— Я быстро ответил. Мне не требовалось выяснять, нравитесь ли вы мне. Мне требовалось понять, предлагаете ли вы это мне или мужчине, который оказался достаточно близко для удобного опыта. — Его пальцы чуть сильнее легли на её талию. — На этот вопрос вы ответили вполне однозначно.

Вот это Велории понравилось куда больше.

— Значит, сомнения были только в моих мотивах?

— В ваших мотивах я предпочёл убедиться. Со своими разберусь сам.

Велория усмехнулась и снова потянула его к себе.

— Какая исполнительность.

— Не злоупотребляйте, — Арделл наклонился к ней снова, и на этот раз разговор закончился раньше, чем она успела придумать следующее уточнение.

Не позволил ей задавать весь ритм: перехватил за талию, развернул от стола и повёл к дверям жилого крыла.

За спиной остался венцекрыл, совершенно равнодушный к чужой личной жизни.

Путь до спальни показался чудовищно мал. Арделл закрыл дверь и сразу притянул её к себе. Поцелуй стал глубже; ладонь скользнула вдоль спины, нашла застёжку платья и задержалась.

Велория сама повернулась, убирая волосы с шеи.

— Если сейчас начнёшь спрашивать разрешение на каждую застёжку, я очень разозлюсь.

— Я собирался выяснить, насколько дорого Риса оценит повреждённое платье. — Арделл расстегнул первую застёжку. — Ваше разрешение у меня уже есть. Его границы я способен замечать по ходу дела.

— Значит, Рисы ты боишься больше меня?

— В вопросах гардероба — несомненно.

Она рассмеялась, но следующая застёжка уже освободила ткань на спине, и смех сбилсся. Арделл поцеловал её в шею, стягивая платье с плеч. Велория развернулась и занялась его сюртуком. Тот отправился на кресло; одна пола всё равно соскользнула на пол.

Арделл посмотрел на неё.

— Вы этого не видели.

— Я запомню навсегда.

— Тогда придётся отвлечь вас чем-нибудь более убедительным.

Он подхватил её под бёдра и посадил на край постели. Велория обняла его за шею, впуская между колен. Теперь мешала рубашка. Потом её собственное платье. Потом оставшаяся одежда начала раздражать обоих настолько одинаково, что церемонии закончились.

Когда между ними не осталось ткани, Велория на мгновение замерла. Она слишком хорошо знала мужчину перед собой и все же впервые видела его целиком: тонкие золотые линии шли по светлой коже от ключиц ниже, тёмные волосы растрепались, дыхание стало тяжелее. Арделл смотрел так же открыто.

Он провёл ладонью по её бедру и остановился, оставляя ей следующий шаг.

Велория легла на подушки и потянула его за собой.

После этого осторожность потеряла смысл.

Арделл целовал её жаднее, чем она ожидала от человека, способного часами сохранять один и тот же ровный тон на приёме. Руки оставались точными только там, где точность была нужна ей: на талии, под коленом, на затылке. Велория быстро перестала думать о том, насколько неожиданно всё это выглядит со стороны. Со стороны сейчас вообще никого не требовалось.

Она чувствовала его вес, горячую кожу, короткие вдохи у своей шеи. Когда Арделл устроился между её бёдер, Велория сама подтянула его ближе. Первое движение заставило её крепче сжать пальцы на его плечах.

Он остановился.

— Не смей, — выдохнула она и толкнула бедром навстречу.

Арделл тихо рассмеялся ей в висок и продолжил.

Первые движения он держал медленными, пока Велория не поймала ритм. Потом в нём осталось гораздо меньше терпения. Она обняла его ногой, провела ладонью по спине и почувствовала, как под пальцами напряглись мышцы. Кровать глухо отзывалась на движение, ткань простыни собиралась под её ладонями, утренний свет полосами лежал поперёк постели.

Велория поцеловала его, не желая отпускать дальше, чем позволял вдох. Арделл сменил угол, крепче удержал её бедро, и следующая волна удовольствия выбила из неё звук, который она не успела подавить.

— Вот так, — сказал он у её губ и снова двинулся.

Говорить после этого стало бессмысленно. Велория встречала его движением, пока удовольствие не вытеснило всё, кроме тела и необходимости приблизиться ещё. Арделл потерял

привычную ровность раньше, чем она ожидала: пряди упали на лоб, дыхание сбилось, пальцы сильнее сжались на её талии.

Разрядка пришла резко. Велория вцепилась в его плечи, переживая дрожь, а через несколько движений Арделл замер рядом с ней и спрятал лицо у её виска.

Несколько секунд слышалось только их дыхание.

Потом Арделл повернул голову к креслу.

Сюртук всё ещё лежал наполовину на полу.

— Это серьёзно осложняет моё положение перед Рисой.

Велория засмеялась ему в плечо.

— Вот о чём ты думаешь?

— Сейчас — да. До этого у меня были другие приоритеты.

Он сместился на бок, освобождая её от собственного веса, и притянул ближе. Велория устроилась головой у него на груди. Сердце всё ещё билось быстро, золотые линии на коже были тёплыми под пальцами.

— Значит, любовники, — произнесла она.

— Это слово соответствует фактам. — Арделл перебирал её волосы, распутывая одну прядь за другой. — Остальные определения могут подождать.

— И никаких обещаний на следующие три века.

— Особенно за завтраком в первый день.

Велория прикрыла глаза. На террасе остывала еда, где-то Риса наверняка уже знала, что хозяйка исчезла вместе с личным распорядителем, а Марен через некоторое время обнаружит оставленный стол. Катастрофы в этом не было. Максимум два профессионально оскорблённых старших слуги.

С этой мыслью она уснула.

Когда Велория проснулась, свет уже сместился к другой стороне комнаты. Арделл сидел в кресле в брюках и рубашке, всё ещё без сюртука, и просматривал небольшой пакет личной корреспонденции.

— Ты работаешь у меня в спальне, — сонно заметила она, переворачиваясь на спину.

— Я пытался работать в кресле. Спальня оказалась вокруг. — Арделл переложил верхнее приглашение вниз. — Вы проспали два часа. Я перенёс одну встречу и оставил две, которые можно провести вечером.

— Сам перенёс?

— Ту, которую вы вчера разрешили двигать при необходимости. Остальные ждут вашего решения. Я всё ещё помню границы должности, несмотря на утренние события.

Велория села и подтянула покрывало к груди. На краю постели лежало её платье, аккуратно сложенное. Сюртук Арделла уже вернулся на спинку кресла. Ну конечно.

— Есть еда?

— Марен прислал поздний обед и сообщение.

— Насколько страшное?

Арделл взял со столика карточку.

— «Завтрак более не пригоден к подаче. Надеюсь, причина оправдывала запечённые фрукты».

Велория расхохоталась.

— Я его обожаю.

— Я предпочту не обсуждать Марена, пока нахожусь в таком виде в вашей спальне.

— Уже ревнуешь?

— Я предупреждал, что наличие договорённости не лишает меня характера. — Арделл протянул ей халат. — Одевайтесь. Поедим, а потом вы решите, что делать с вечерними приглашениями.

Через час они сидели в малом личном салоне. На столе вместо завтрака лежали приглашения, два письма и тот самый список кандидатов. Литтер устроился неподалёку и наблюдал, как Велория перечитывает приглашение на приём.

— Это оставляем, — решила она и подвинула карточку Арделлу. — Я всё-таки согласилась знакомиться с людьми.

Арделл взял приглашение и положил в рабочую стопку.

— Оставляем.

Тон был совершенно профессиональным. Только бумагу он выровнял по краю стола с несколько большей тщательностью, чем требовалось.

Велория заметила и ничего не сказала.

Следующие полтора часа они занимались тем, чем занимались сотни раз: спорили о времени, вычёркивали лишние визиты, отвечали на личные письма и выясняли, почему Велория снова решила, что между двумя встречами можно вставить дорогу, переодевание и ещё один разговор.

— Двадцать минут достаточно, — заявила она, ставя подпись под письмом.

— Для вас двадцать минут означает, что через тридцать вы вспомните ещё одну мысль, а через сорок будете удивлены, почему экипаж всё ещё ждёт. — Арделл забрал подписанный лист. — Я поставлю час.

— Сорок минут.

— Пятьдесят.

Велория прищурилась.

— Ты слишком быстро освоился в новой роли.

— Эта роль не даёт мне новых полномочий над календарём. Я был невыносим ещё утром.

Она рассмеялась и махнула рукой.

— Пятьдесят. Но только потому, что сегодня я добрая.

Арделл записал время без комментариев.

К вечеру странность утра уже перестала занимать всю комнату. Она оставалась в случайном прикосновении, когда Арделл подавал письмо, в том, как Велория позволяла ладони задержаться на его плече, проходя мимо, в отсутствии привычной необходимости немедленно убрать руку. Работа от этого не исчезла. Споры тоже.

Поздно вечером Велория вернулась в спальню и обнаружила на прикроватном столике завтрашнее расписание.

Арделл стоял у кресла, снимая перчатки.

— Ты намерен читать мне его здесь?

— Вы имеете привычку утром утверждать, что вчера ничего не согласовывали. Я принимаю меры.

Велория забралась под покрывало и посмотрела на вторую половину кровати.

— Останешься?

Арделл перестал складывать перчатки. На этот раз задержка была короче утренней.

— Да. — Он положил их рядом с расписанием и снял сюртук. — Но первая встреча всё равно в десять.

— В одиннадцать.

— В десять.

Велория отодвинула ему край покрывала.

— Ты ужасный любовник.

— Зато хороший распорядитель. — Арделл лёг рядом и сразу забрал себе подушку, которую она успела присвоить. — Придётся терпеть обе должности.

— Посмотрим.

Она потянула покрывало на себя.

Арделл молча вернул половину.
На прикроватном столике остались его перчатки и расписание на завтра.

Глава 2

Свет из-за штор разбудил Велорию раньше, чем она была готова признать наступление утра. Она перевернулась, потянулась ладонью к другой половине постели и наткнулась на остывшую простыню.

Вчера это место принадлежало подушкам, покрывалу и её способности раскинуться поперёк всей кровати. Теперь отсутствие Арделла обнаружилось раньше, чем мысль о делах.

Из коридора донеслись два знакомых удара.

— Госпожа, я дал вам отоспаться. Если вы намерены продолжать, мне желательно узнать об этом до того, как я окончательно перестрою день. — Голос Арделла звучал совершенно буднично.

Велория села, поправляя сползшее покрывало.

— Ты ушёл и теперь ещё стучишь?

— Вы спали. — Дверь приоткрылась, и Арделл остановился на пороге уже в своём обычном чёрно-виновном костюме. — Я решил, что первый рабочий час переживёт нас обоих. Второму начинаю сочувствовать.

Несколько мгновений Велория разглядывала его. Вчера она знала этот сюртук как часть Арделла-распорядителя. Теперь память услужливо подсовывала, как быстро он его снимал.

Вот ведь гадость какая.

— Иногда ты просто невыносим.

— Я ещё ничего не сделал.

— Никогда не понимала: ты педант или только притворяешься.

Арделл не стал поддерживать обмен. Он вошёл, поднял с кресла её халат и подал Велории.

— У вас нет обязательных встреч до второй половины дня. Можете оставить день свободным. Если хотите работать, решите, с чего начинаем: творчество или Служба.

Знакомая постановка вопроса окончательно вернула утру привычную форму. Велория просунула руки в рукава и встала.

— Служба. И кофе.

— В таком порядке?

— Не издевайся над человеком, который ещё не дошёл до ванной.

— Я уточняю приоритеты.

— Кофе. Потом государство.

К тому времени, когда Велория вышла из ванной, сон окончательно отступил. Она выбрала молочно-белое платье, лёгкое и мягкое, с золотой вышивкой по краю запаха и длинной юбкой, расходившейся на бедре при шаге. Широкий чёрно-золотой пояс собрал ткань на талии. Сверху Велория накинула длинную чёрную накидку с золотым узором; широкие светлые рукава платья оставались видны из-под неё. Верхние пряди она подняла и закрепила, оставив остальные волосы свободными по спине. Красная прядь выскользнула вперёд сама и легла вдоль груди.

Арделл ждал в коридоре с чашкой.

Велория забрала её обеими руками и только после первого глотка заметила, что он смотрит.

Его внимание прошло от золотого края у её груди к поясу и вернулось к лицу.

— Что?

— Ничего, что мешает работе. — Арделл коснулся ладонью её поясницы, пропуская вперёд. — Более чем.

Тепло пальцев осталось через ткань. Велория улыбнулась в чашку и пошла к рабочему крылу.

Они уже миновали развилку между творческими помещениями и кураторской частью, когда Арделл начал перечислять перенесённые дела.

— Две встречи стоят после обеда. Личную корреспонденцию я уже подготовил. В кураторском кабинете с вечера лежат новые поступления Службы; после того как передам расписание, у закрытых дел я вас оставлю.

Велория замедлила шаг.

— Почему оставишь?

Арделл тоже остановился.

— Потому что организация ваших встреч входит в мои обязанности. Содержание закрытых материалов — пока нет.

— Ты можешь войти в крыло.

— Могу. Найти сотрудника, подготовить комнату, принести вам то, что разрешено передать, выгнать отсюда человека, который решил задержать вас разговором на сорок минут. — Арделл забрал у неё опустевшую чашку. — Закрытую папку я без вашего допуска не открою.

Велория посмотрела на дверь официального кабинета.

Три века Арделл выстраивал вокруг неё дни так, что Велория замечала большую часть работы лишь тогда, когда что-нибудь шло не по плану. Он помнил сроки, собирал людей, видел зависимость между встречей через неделю и письмом, которое следовало отправить сегодня. И каждый раз возле государственной папки эта способность аккуратно выключалась, потому что когда-то его должность провели по другой стороне черты.

После вчерашнего утра черта особенно бросалась в глаза.

— Будешь открывать.

Арделл перевёл взгляд на неё.

— Велория.

— Я открываю тебе доступ к моим текущим кураторским материалам. Работаешь с ними вместе со мной.

— Вчера мы изменили личную часть наших отношений. Государственные полномочия от этого не расширились сами собой.

— Я знаю. — Велория толкнула дверь кабинета. — Поэтому слушай до конца.

Арделл вошёл следом и поставил её чашку на свободный край стола.

Карта Аэлиона занимала стену напротив окон. На основных рабочих столах лежали текущие дела; часть папок была закрыта печатями доступа, завершённые материалы ждали передачи обратно в систему Службы.

Велория подошла к ближайшей стопке и положила на неё ладонь.

— Я трачу время на сроки, приложения, поиски связанных бумаг и порядок рассмотрения. Ты занимаешься всем этим в моей жизни лучше меня уже три века. Держать тебя за дверь потому, что так однажды сложились обязанности, мне надоело. Решения остаются моими. Организацию этой работы я отдаю тебе.

Арделл некоторое время смотрел на папки.

— Вот теперь аргумент мне нравится значительно больше.

— Неужели? А я старалась.

— Особенно ценю отсутствие постели в качестве основания для допуска к государственным документам.

Велория прищурилась.

— Я могу передумать.

— Поздно. — Он снял перчатки и положил их возле её чашки. — Я согласен.

Её настроение немедленно улучшилось.

— Даже не потребуешь неделю на размышления?

— О доступе к работе? Нет. Я триста лет наблюдаю, как вы ищете нужное приложение под шестью ненужными папками. Это предложение обладает самостоятельной привлекательностью.

Арделл открыл первую разрешённую Велорией папку, быстро просмотрел верхние листы и уже через несколько секунд переставил два документа.

— Но условие у меня есть. Всё, что требует решения Первого куратора, принимаете вы. Я могу собрать сведения, заметить несоответствие, подготовить запрос и сказать, что считаю ваше решение дурным. Подменять вас собой не стану.

— Я и не собиралась уступать тебе своё кресло.

Арделл посмотрел на высокую спинку.

— Благодарю. Оно неудобное.

— Моё кресло великолепно.

Арделл подтянул к себе остальные папки. Несколько минут в кабинете слышались только бумага, перо и шорох переворачиваемых страниц. Он сначала проверял даты, наличие приложений, отметки о предыдущих решениях; дважды возвращался к карте, один документ отложил отдельно из-за связанной встречи. Велория смотрела задумчиво в окно, так и не подписав очередное прошение, когда рядом с её локтем выросли три аккуратные стопки.

— Это сегодня. Здесь можно подготовить ответы без вашего участия. В третьей нет срочных сроков; к ней вернёмся после остального. — Арделл подвинул первую стопку ближе к Велории. — Если такой порядок вас устраивает, я продолжу.

Она взяла верхнюю папку, но не открыла.

— А если однажды я не смогу?

Арделл оторвался от следующего документа.

— Работать?

— Вообще. — Велория провела ногтем по закрытой папке. — Ты сейчас очень тщательно объяснил, где заканчивается твоя роль. Допустим, я ранена. Или не могу встать и добраться до тех, кто нужен. Ты тоже остановишься на границе, потому что решение должно быть моим?

Юмор ушёл с его лица так быстро, что Велория сразу поняла: вопрос он услышал буквально.

— Извини, — Велория опустила взгляд, смутившись собственного вопроса. — Просто, у меня же не было семьи. Исток сформировал меня уже зрелую. Иногда смотря на службу Древа, невольно задумываюсь.

— Если вы способны выбирать и действовать, я не стану отнимать у вас это право. — Арделл положил перо. — Если будете ранены, я найду помощь. Если не сможете идти, понесу. Если потребуется поднять весь дом и каждого, кто способен вас спасти, я этим займусь. Вашу жизнь я не проживу за вас, пока вы можете идти сами. Когда не сможете, понесу столько, сколько потребуется.

Он говорил спокойно, как о деле, для которого уже определил порядок действий.

Велория провела пальцем по краю папки.

— Хорошо.

— Хорошо? — Арделл снова взял перо. — Я ожидал хотя бы небольшого возражения по поводу намерения поднять весь дом.

Велория наклонилась и поцеловала его в висок.

— Не дождёшься.

Арделл поймал её за руку раньше, чем она успела отойти, коротко поцеловал запястье и отпустил.

— Тогда займёмся менее драматическими бедствиями. У вас девять прошений из категории «срочно».

— Уже восемь. Одно я открыла.

Первое дело касалось молодого воплощения греха, просившего сменить опекуна.

Велория быстро просмотрела основное прошение, затем вернулась к последнему абзацу.

Автор отдельно просил поговорить с ним без опекуна.

— Беседу назначаем первой. В кабинете личных встреч. Его одного.

Арделл уже делал пометку.

— Опекуна вызвать отдельно?

— Да. И проверку условий пусть проведёт тот, кто до этого с семьёй не работал. Я хочу два независимых мнения.

— Записал.

— Причину просьбы заранее у него не вытягивать. Если он специально просит разговор без опекуна, пусть сначала сам расскажет почему так.

Арделл передвинул дело в рабочую стопку и сразу положил перед ней следующее.

Здесь более зрелый воспитанник хотел поселиться в доме признанного мастера и продолжить обучение уже как подмастерье. Согласие наставника было приложено. Возражение действующего опекуна занимало четыре страницы.

Велория дочитала вторую и потёрла висок.

— Он четырежды написал одно и то же.

— Пять раз. Последний повтор в приложении.

— О великая Лилит.

Арделл подал ей подтверждение мастера.

— Воспитанник согласие подтвердил дважды. Мастер признан, последняя проверка дома без нарушений. Опекун считает переход преждевременным.

Велория перелистнула обратно к самому прошению воспитанника.

— Тогда с обоими поговорим. Отдельно. Я хочу услышать, почему он решил уйти именно сейчас и чего боится опекун. Пока здесь спор двух взрослых вокруг решения, которое касается третьего.

— Разговор с мастером?

— После воспитанника. Не хочу сначала получить готовую взрослую версию.

Арделл сделал ещё одну короткую запись и убрал папку.

Третье прошение оказалось спокойнее. Молодое воплощение хотело перейти в школу другого Предела ради программы, которой не было рядом с нынешним домом. Подтверждение школы имелось, учебная часть вопросов не вызывала; не хватало окончательной сверки будущего проживания.

— Запроси условия размещения и заключение сопровождающего куратора, — решила Велория. — Если там всё в порядке, возвращай мне на подпись. Ради происхождения держать ученика в одном Пределе никто не собирается.

— Сделаю.

Следующие дела шли быстрее. Арделл всё так же отбирал у неё законченную папку и тут же подавал новое. Через некоторое время Велория поняла, что уже минут десять сидит босиком. Туфли оказались под столом, а высокий разрез белой юбки позволил без борьбы поджать под себя одну ногу.

Арделл заметил это, когда принёс очередное дело.

— Моё мнение о кресле подтверждено экспериментально.

— Не отвлекай Первого куратора от государственных обязанностей в его собственном кабинете.

— У вас опять будет болеть нога к вечеру.

— Не ворчи, так удобнее и точка.

Арделл покачал головой и положил папку перед ней, затем вернулся к своим записям.

К вечеру за окнами потемнело. Внутренний свет кабинета стал теплее, карта на стене проступила резче, а на столе наконец появилось свободное место.

Велория закончила очередное решение, потянулась к следующему делу и обнаружила, что третий раз читает одну строку.

Буквы расплывались, отказываясь складываться в смысловое предложение.

— Дай следующее.

Арделл продолжал писать.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— То и значит. — Он закончил строку, промокнул чернила и закрыл папку. — Вы устали.

— Это прошение скучное, вернусь к нему после.

— Вы смотрите на бумагу. Чтение обычно оставляет после себя хоть какой-нибудь результат.

Велория взяла перо и снова склонилась над листом. На этот раз добралась до конца абзаца, только к началу уже забыла, зачем его читала.

Арделл молча вытянул перо из её пальцев.

— Эй.

— Завтра верну.

— Вообще-то, госпожа и первый куратор тут я.

— Это, несомненно так.

Велория хотела возмутиться как следует, но вместо этого зевнула.

Предательство собственного организма было особенно неприятным.

Арделл собрал открытые листы, восстановил порядок приложений и убрал завершённые дела. Под рукой у него осталась одна папка.

— Ещё перевод воспитанника, — пробормотала Велория.

— Утром. — Арделл положил папку поверх отложенных дел. — Ему требуется свежая голова, а ваша сейчас пытается уснуть на государственном столе.

— Не люблю, когда ты прав.

— Я слишком долго вас знаю, госпожа.

Велория положила локти на стол и ненадолго опустила лоб на руки. Так было удобнее думать.

Когда она снова услышала бумаги, Арделл уже закрывал последние материалы. Велория попыталась поднять голову, передумала и осталась на руках.

— Пять минут и пойду спать.

— Боюсь вас огорчить, но вы уже проспали двадцать минут.

— Клевета, я только прикрыла глаза.

— Безусловно.

Она хотела найти достойный ответ, но вместо него пришёл сон.

Следующее ощущение оказалось движением. Одна рука Арделла поддерживала её под спиной, другая — под коленями. Чёрная накидка собралась между ними, молочно-белая юбка скользнула по его рукаву.

— Я могу идти, — пробормотала Велория, не открывая глаз.

— Несомненно.

— Ты только утром говорил...

— Я помню, что говорил. — Арделл поправил её удобнее и вышел из кабинета. — Когда сможете идти, немедленно сообщите.

Она уткнулась лицом ему в плечо.

— Вредный.

— Не лишайте меня этой милости.

Дальше Велория запомнила кусками: прохладный воздух коридора, собственную дверь, мягкий край постели под спиной. Арделл снял с неё туфли, потом освободил пояс и осторожно стянул тяжёлую чёрную накидку, чтобы она не собралась под телом. Заколки одна за другой легли на прикроватный столик, и волосы рассыпались по подушке.

Когда его рука исчезла, Велория нащупала пальцами рукав.

— Останься.

Арделл перестал поправлять покрывало.

— Я собирался.

Ответ почему-то понравился ей больше, чем если бы он снова спросил, уверена ли она.

Через несколько минут матрас прогнулся рядом. Арделл снял перчатки; Велория услышала знакомый тихий звук, когда он положил их на столик возле её заколок.

Она протянула руку поверх покрывала.

Его пальцы сразу переплелись с её.

— Спи, Велория.

На этот раз она послушалась.

Глава 3

Солнце добралось до Велории через узкую щель между шторами и без всякого уважения к хозяйке Усадьбы легло ей на лицо. Она поморщилась, отвернулась и упёрлась лбом в тёплое плечо.

Рядом шевельнулся Арделл. Его рука, до этого лежавшая поверх одеяла, скользнула ей на талию, и Велория окончательно отказалась признавать необходимость утра. За ночь его рубашка смялась, тёмные волосы растрепались, а от обычной безупречности осталась лишь способность проснуться и сразу понять, что происходит.

— Доброе утро, — произнёс он ещё сонным голосом и, прищурившись на свет, повернулся так, чтобы закрыть его плечом. — Хотя у солнца, судя по манерам, иное мнение.

Велория придвинулась ближе. Так оказалось значительно лучше: тепло, запах его кожи, ровное дыхание возле виска. Вчера она попросила Арделла остаться, и ночью это казалось естественным. Утром — тоже. Даже удивительно, сколько лет можно не замечать, что половина большой постели пустует, пока однажды она не перестанет пустовать.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, проведя ладонью вдоль её спины.

— Хочется спать. — Велория зевнула ему в плечо. — Утро мне не нравится.

— Это я знаю уже давно, а вот попытки отнять у меня одеяло, это оказалось неожиданно. Она приподняла голову.

— Я?

— Вы. — Арделл подтянул край покрывала повыше ей на плечо. — После трёх часов ночи ваша приверженность частной собственности заметно ослабевает.

Велория попыталась вспомнить и не нашла в памяти ничего, кроме сна и тепла.

— Не люблю холод. Надо попросить тогда Рису положить сюда второе.

— Я сообщу ей. — Он прикрыл глаза. — Во избежание дальнейших территориальных споров.

Велория лежала рядом, слушая, как за окнами просыпается Усадьба, и медленно гладила большим пальцем золотую прожилку на его запястье. Раньше такое молчание существовало между ними над книгами, бумагами, в экипаже после длинной дороги. Ощущать рядом, прикасаться, что-то в этом было.

Арделл первым нарушил покой:

— У вас осталось десять минут.

— Ты всё-таки считаешь?

— Это моя профессия.

Велория фыркнула ему в шею, поцеловала кожу у ключицы и выбралась из постели. Прохладный пол немедленно напомнил, почему одеяло ночью могло показаться ценнее мужчины.

— Вот так, — донеслось за спиной. — Даже десять минут оказались чрезмерной роскошью.

— Спи, пока разрешают.

Ответа не последовало. Велория оглянулась и обнаружила, что Арделл действительно закрыл глаза.

В ванной вода быстро смыла остатки сна. Она задержалась перед гардеробом, перебирая одежду и выбрала тёмно-виновое платье. Мягкая ткань собиралась складками у талии, расходилась вдоль ног высоким разрезом; золотые кисти на драпировке качнулись, когда Велория расправила юбку. Сверху легла длинная чёрная накидка из черного шифона золотой вышивкой. Волосы она собрала в низкий свободный хвост. Когда Велория вернулась в спальню, Арделла уже не было. Она задержалась возле кровати на несколько секунд, провела ладонью по прямой ткани и пошла завтракать.

Запах горячего хлеба отвёл её от утренней столовой к кухне.

Марен работал у большого острова, заняв его целиком. Пепельные волосы были собраны, тёмный передник закрывал строгую форму, по открытым ладоням тянулись тонкие зелёные прожилки. Его личный нож ровно проходил через овощи; рядом уже стояли сыр, зелень, маленькие помидоры и миска с ягодами.

Велория приблизилась и стащила кубик сыра.

— М-м. Хороший.

— Какая неожиданность. — Марен закончил резать и только потом посмотрел на освободившееся место. — Я успел решить, что положил на доску не тот сыр и ваше вмешательство спасло завтрак.

Велория взяла второй.

Марен молча отодвинул оставшиеся кубики на середину острова и поставил перед ней маленькую тарелку.

— Отсюда можно.

— Ты убиваешь всё удовольствие.

— Моей задачей всегда была еда. Ваши развлечения в обязанности не входят.

Она села за ближайший стол, унося тарелку с собой. Кухня продолжала жить вокруг: открывались шкафы, звякала посуда, на горячей поверхности что-то тихо шипело. Марен вернулся к доске и через несколько минут добавил к её добыче ягоды и кусочек ещё тёплого хлеба.

Велория посмотрела на его спину.

Три века.

Вчера этот срок означал Арделла, который сидел напротив с перечнем возможных мужчин и собирался совершенно серьёзно подбирать ей любовника. Потом оказалось, что самого Арделла следовало рассматривать куда внимательнее.

Марена она тоже знала три века.

Красивый мужчина. Самоуверенный, самостоятельный, совершенно не впечатляющийся её титулом там, где титул мешал правильно нарезать продукты. Ни одной женщины рядом с ним за всё это время Велория не помнила. Ни одного разговора, который заставил бы её подумать, что кто-то занимает в его жизни подобное место.

Мысль пришла сама и уже не захотела уходить.

— Марен, ты завидуешь Арделлу?

Нож остановился.

— В каком вопросе? — Он не обернулся. — Если речь о должности, то нет. Я слишком ценю собственную жизнь, чтобы добровольно вести ваше расписание.

— Ты же прекрасно понял о чём я.

Теперь Марен повернулся.

Велория взяла ягоду, посмотрела на неё и отправила в рот, давая ему время догадаться. Догадался.

— Нет.

Велория подождала продолжения. Его не было.

— И всё?

— Вы спросили. Я ответил.

— За три века ни разу?

В зелёных глазах появилось уже настоящее любопытство.

— Ни разу.

Вот это было неприятно.

Велория откусила хлеб и несколько секунд жевала, разглядывая Марена. Может, он не понял. Хотя подозревать Марена в неспособности понять прямой вопрос было бы оскорблением уже его.

Велория медленно поставила тарелку на стол, повела плечом отводя взгляд, поднялась.
— Завтрак подай в утреннюю столовую. На двоих.

— Уже готовят. — Марен переместил нарезанное в блюдо и наконец посмотрел на неё.
Велория покинула кухню, не отвечая.

Раздражение шло вместе с ней до самой утренней столовой.

С какой стати мнение Марена вообще должно было иметь значение? Оно ничего не меняло. Она не собиралась тащить его в постель, не мечтала о нём и ещё вчера не рассматривала как мужчину, от которого требовался какой-то определённый взгляд.

Но три века.

Ни разу.

В утренней столовой было светло. На небольшом столе уже стояли чашки, возле её кресла устроился Литтер и немедленно поднял голову, заметив хозяйку. Велория присела рядом, провела ладонью между его ушами и получила в ответ довольный толчок лбом в запястье.

Дверь открылась.

Арделл вошёл со стороны кураторского крыла. От спящего мужчины из спальни не осталось ничего: волосы уложены, высокий ворот застёгнут, чёрно-винный костюм снова безупречен. В руках он держал тонкую папку.

Увидев Велорию, Арделл на мгновение задержал взгляд на её платье.

Раздражение отступило на полшага.

— Я проверил, что пришло по вчерашним делам. — Он положил папку на край стола.
— До завтрака ничего срочного. Остальное можно разобрать после.

Арделл остался стоять, собираясь, судя по всему, снова уйти.

— Сядь.

Он остановился и посмотрел на неё.

Велория вдруг очень ясно почувствовала разницу между просьбой и приказом. Между тем, чтобы мужчина остался рядом, потому что хочет, и тем, чтобы хозяйка Усадьбы напомнила созданному её Чертогом слуге, кто здесь принимает решения.

Несколько секунд назад эта разница её не интересовала.

Сейчас от неё стало мерзко.

Арделл вернулся к столу и отодвинул кресло.

— Позавтракай со мной, — сказала Велория уже тише. — Я просила подать на двоих.

— Хорошо.

Литтер протиснул голову под руку Велории, требуя продолжения ласки. Она провела пальцами по золотым линиям на его шее, собираясь с мыслями.

— Прости.

Арделл снял перчатки и сложил их рядом с папкой.

— За слово или за намерение?

Велория посмотрела на него.

— За оба.

— Тогда принято, — кивнул Арделл.

Велория ожидала продолжения, нравоучения, хотя бы напоминания о разговоре двухдневной давности, когда сам Арделл отказался быть удобным мужчиной для опыта. Он ничего не добавил. Придвинул к ней чашку, повернул ручкой в привычную сторону и налил кофе, когда принесли кофейник.

— Кто успел так неосмотрительно испортить вам утро до завтрака?

Велория повела плечами, чуть морщась.

— Не важно.

Обсуждать отказ, ей не хотелось. Гордыня внутри все еще не понимала почему, но больше всего раздражало, что ещё пару дней назад она и не думала о таком. И вот теперь сидит оскорбленная сама не понимая с чего бы.

Завтрак принесли почти сразу. Марен, разумеется, прислал тот самый сыр, горячий хлеб, яйца с зеленью и ягоды.

Первым к работе вернулся Арделл.

— По двум вчерашним делам ответы уже есть. — Он освободил руку, открыл папку и развернул её так, чтобы Велория видела листы. — Смена опекуна остаётся внутри Службы Древа. Ваши отдельные беседы назначены, независимая проверка условий тоже. Вмешательства извне пока не требуется.

Велория пробежала глазами первую запись и поставила чашку дальше от бумаг.

— А школа в другом Пределе?

— Подтверждение программы пришло. Теперь нужны условия проживания и согласование с куратором на месте. Сам перевод межпредельного спора не создаёт.

— Какая радость, не придётся встречаться с советником.

— Пока нет. — Арделл переложил первый лист вниз. — господин Ибрис понадобится, если два Предела начнут спорить о полномочиях или какое-нибудь ведомство решит, что чужая территория избавляет его от обязанности отвечать.

Велория забрала следующий лист.

— Тогда пусть человек спокойно занимается своими делами до тех пор, пока мы не найдём повод испортить ему день.

Арделл промолчал, и она подняла глаза.

— Что?

— Ничего. Я ценю редкие проявления милосердия.

Велория закатила глаза и вернулась к документу.

Последним лежало вчерашнее прошение о переводе к мастеру.

Она уже читала его вечером. Тогда имя показалось знакомым, но усталость победила раньше, чем память успела дотянуть нужную связь. Сейчас взгляд дошёл до строки с перечнем работ наставника — и остановился.

«Неочевидная связь».

Велория провела ногтем под названием.

Картина сразу встала перед глазами: высокий холст, разнесённые части архитектуры, между которыми на прямом свету оставалось пустое место. Стоило сместиться в сторону, и тени собирались в общий путь. Хорошая работа. Имя мастера она теперь вспомнила тоже.

— Кайрен.

Арделл перестал складывать салфетку.

— Что с ним?

— Мне не нравится этот перевод.

Она развернула прошение к нему и указала на имя.

— Из-за картины?

— Из-за мастера. Картина помогла вспомнить.

Велория забрала лист обратно и перечитала заявление воспитанника внимательнее. Желание учиться у признанного мастера было написано ясно. Приложения выглядели аккуратно. Согласие наставника присутствовало. Никакой причины запрещать перевод на странице не было.

И всё-таки.

— За ним ходят разговоры, — сказала она. — Ничего конкретного, но как-то все это меня смущает. Я мало их слушала, чужих сплетен мне только не хватало.

Арделл отложил завтрак.

— Потому что они не относились к вашим делам?

— Потому что каждая по отдельности выглядела как чужая неприязнь к известному мастеру. У талантливых людей её хватает.

Это Велория знала слишком хорошо.

Она снова посмотрела на имя мастера.

Теперь к нему цеплялось ещё одно воспоминание.

— Была служанка. Лайра.

Арделл достал карандаш.

— Из его Чертога?

— Да. Несколько месяцев назад подала прошение об отделении.

Карандаш остановился над полем.

— И что с прошением?

— Отказали.

— Основание помните?

Велория нахмурилась.

— Нет. Я видела дело после решения. Тогда мне не показалось, что там есть что-то, требующее моего вмешательства.

Арделл записал имя.

— После отказа вы с ней разговаривали?

— Я пыталась.

Теперь воспоминание пришло целиком.

Первый раз Кайрен встретил Велорию лично, провёл через галерею, показал новые работы и сообщил, что Лайра занята хозяйственными делами на другом этаже. Велория тогда не придавала этому значения. Позже выяснилось, что и другие специалисты так и не смогли с ней встретиться.

— Восемь раз, — произнесла Велория.

Арделл поднял голову.

— Что?

— Если не ошибаюсь то, я помню восемь упоминаний как с ней хотели встретиться после того прошения.

Арделл задумался.

— Кто-нибудь кроме Кайрена подтверждал, где она находится?

— Кажется, нет.

Арделл закрыл папку с остальными делами и оставил перед собой только перевод, делая пометки на отдельном листе.

Велория несколько секунд смотрела, как он пишет. Затем придвинула кресло ближе.

— Приостанови перевод воспитанника. Хочу удостовериться, для личного успокоения.

— Согласен. Я подготовлю нейтральное уведомление о дополнительной проверке условий наставничества.

— Хорошо. И никаких слухов в формулировке.

Арделл коротко отметил это на полях.

— По Кайрену поднимем только то, что уже существует в официальных материалах. Потом решим, нужны ли свидетели.

Велория потянулась за карандашом, но Арделл подал ей второй раньше, чем она успела взять его со стола.

— Ибрис? — спросил он.

Она покачала головой.

— Пока мы внутри моих полномочий и Службы Древа. Если выяснится, что записи гуляли между Пределами или кто-то начнёт закрывать нам доступ из-за чужой юрисдикции, тогда позовём его.

— Так и запишу.

Литтер, потерявший надежду вернуть внимание хозяйки, забрался под стол и улёгся на подол её накидки. Велория почувствовала лёгкое натяжение ткани, посмотрела вниз и осторожно высвободила вышитый край.

Раздражение после кухни потихоньку отступало под натиском работы.

В кураторском крыле их встретил привычный порядок: текущие дела на одном столе, закрытое хранение за защищённой створкой, карта Аэлиона на стене. Арделл снял перчатки прежде, чем коснуться материалов.

Сначала нашли прошение Лайры.

Велория перечитала его.

— Она явно рассчитывала, что документ будут читать как официальный запрос, а не крик о помощи.

Арделл передвинул к себе лист.

— Пока это ничего не доказывает.

Велория бросила на него взгляд.

Через некоторое время Риса заглянула узнать, будут ли они обедать в жилом крыле. Велория, не отрываясь от бумаг, попросила принести еду сюда. Риса посмотрела на разложенные документы, на босые ступни Велории под столом — туфли она успела снять уже через час работы, — затем на Арделла.

— Я прослежу, чтобы поели, — сказал он.

Риса удовлетворилась этим и ушла.

К середине дня у них было семь из восьми записей и подтверждение, что после отказа Лайра не подавала повторного прошения. Ни одного прямого свидетельства её появления за пределами Чертога найти пока не удалось.

Это уже перестало нравиться Велории куда сильнее разрозненных слухов мастера Кайрена.

Она перечитала последнюю строку и потянулась к следующему документу, но Арделл удержал его пальцами.

— Подождите.

В его голосе исчезла вся бытовая мягкость утра.

Велория подняла глаза.

Арделл положил рядом два листа: сводную запись её визита и только что полученный исходник.

— Здесь стоит дата посещения, — сказал он.

— Да.

— А здесь — служебная отметка повторного внесения текста.

Велория наклонилась ближе.

Отметка была маленькой, в самом низу поля.

— Это позже.

— На несколько дней.

— Но в сводной записи отказ стоит под первоначальным числом.

— Именно.

Арделл провёл пальцем вдоль края листа и отодвинул его от остальных.

Велория посмотрела на свою старую запись. В тот день она действительно спрашивала о Лайре. Ответ получила устно. Позже в официальном документе появился текст, будто он существовал уже во время визита.

— Его переписали задним числом.

Арделл молча кивнул.

Велория выпрямилась и закрыла папку с переводом воспитанника.

— Мне это не нравится.

Она снова посмотрела на две даты. Между ними лежало несколько дней, которые кто-то очень старательно убрал из официальной истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.